

О БОГАХ, ФАРАОНАХ, БЫВШИХ ЛЮДЯХ И УЛЬТРАМАРИНАХ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ АПРЕЛЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ХЕЛЕНА ПОБЯРЖИНА, «ВАЛСАРБ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Действие дебютного романа белорусской писательницы и переводчицы разворачивается в родном для нее Браславе. Именно этот город получится, если прочесть название романа задом наперед. Главная героиня так и делает — девочка не очень ладит с цифрами, да и с людьми не всегда находит общий язык, а вот буквы — ее лучшие друзья. А еще у девочки есть особый дар: она видит «бывших людей», тех, кто когда-то жил в ее городе, но теперь лежат в безымянных могилах на старом еврейском кладбище (на его месте давно уже построена школа) или под памятником воину-освободителю. Все они приходят к девочке и рассказывают ей свои истории, чтобы она узнала их и вернула им их имена. Один юноша из сквера приходит к ней особенно часто, но она не понимает, что он ей говорит. До тех пор, пока не видит его фотографию в толстой книге в букинистической лавке. Оказывается, что юноша этот очень известен, но его имени на памятнике все равно нет... Прекрасный роман об исторической памяти, семье и личной ответственности за прошлое, даже то, которое случилось до нашего рождения. Книга с документальной основой и очень неожиданным поворотом в финале.

«Оказалось, что в школе масса мучительно скучных предметов. И у меня недостаточно пытливым ум, интересует только то, что связано с буквами. Хотя я и не без труда научилась читать по-русски. Очень долго не удавалось перенастроить мозг после краткого, но весьма плодотворного Бабинского курса обучения меня польским молитвам. Поэтому по-русски я читала бегло, но неправильно.

Дикси “Кпацкая Моцкба” — почти весь первый класс было написано на красной коробке с Бабинскими духами, ведь многие латинские буквы удивительно похожи по написанию, но непостижимым образом не совпадают по звучанию с русскими. Заслышав исковерканную кириллицу, мама бежала

из кухни, размахивая издали мокрым полотенцем и негодюя по поводу моей бестолковости.

Когда буквы утварились, в школе у меня появился любимый предмет: чтение. И все на этом. Думаю, все».

ВЛАДИСЛАВ ОТРОШЕННО, «ДРАМА СНЕЖНОЙ НОЧИ. РОМАН-РАССЛЕДОВАНИЕ О СУДЬБЕ И УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ СУХОВО-НОБЫЛИНА» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Биографический роман о судьбе писателя, переводчика, донжуана и игрока Александра Васильевича Сухова-Нобылина, в очередной раз в истории русской литературы поднимает вопрос о совместности гения и злодейства. Писатель вроде бы второго ряда и на слуху далеко не у всех (виной всему «золотой канон» школьной программы: нет в нем, значит, и не было), однако весьма самобытным и интересным. Но прославившийся, увы, не только литературными произведениями, но и громким уголовным делом. Осенью 1850 года давняя тайная возлюбленная писателя Луиза Элизабет Симон-Деманш найдена мертвой в снегах Ходынского поля. Непрямые улики указали на него, прямых не было, но крепостных под пытками принудили сознаться и подтвердить версию следствия: Сухово-Нобылина ждали семь лет судебных тяжб, арестов и, весьма вероятно, последующая каторга. Владислав Отрошенко исследует архивные документы этого дела и последовательно опровергает предъявляемые писателю обвинения. Все это, конечно, остается вопросом веры — и Отрошенко верит Сухово-Нобылину абсолютно. И если это так, то значительный отрезок его жизни отравлен этими судебными тяжбами. Но как бы то ни было, именно в тюрьме он создал первую свою пьесу «Свадьба Нречинского», которая впоследствии будет поставлена Малым театром и станет настоящим событием театрального сезона.

«К концу марта российская пресса исчерпала запас траурных эпитетов. Некрологи сменились игриво подмигивающими статейками, намекающими на “весьма бурную молодость” покойного. Позднее появились пространные воспоминания, как-то сами собой всплыли на поверхность журнально-газетного моря “темное уголовное дело”, белокурая француженка с кровавой раной на шее, каштальские кинжалы, вьюжная ночь, Ходынское поле. И началась длинная история разбирательства с привлечением “объективных свидетелей”, “достоверных источников”, “проверенных сведений” и даже экспертов-криминалистов. Из дикой разноголосицы мнений и утверждений постепенно составились два стройных хора, и каждый с усердием выводил свой мотив: убийца, негодяй, донжуан, крепостник, лжец, игрок, самодур. Невинный ангел...»

ЛЕВ НУЗЬМИНСКИЙ, «ПРИВЕТ, ЗАМОРЫШИ!» (LIVEBOOK)

Первая книга лауреата Горьновской премии — семейный роман, основанный на реальных событиях, но не документальный. Рассказчик уже третий год пытается поступить на сценарный факультет ВГИКа, но его заявки нажутся недостоверными, далекими от жизни. «Пиши о своей семье», — советуют ему, и он начинает писать. В семье три родных ребенка и четыре приемных, и это весьма непросто. Особенно с последней приемной девочкой, которая не только отстает в развитии

(это для детдомовских ребят обычно), но и демонстрирует опасную агрессию. Эта девочка Оксана становится для семьи настоящим лантусом, проверяющим и маму с бабушкой, и каждого из братьев и сестер. У которых, конечно, свои жизни, свои цели, стремления и радости. Книга Льва Кузьминского — о том, что делает таких — разных и всегда непохожих, неважно, кровных или нет, — людей одной семьей. О том, как важно понимать и принимать друг друга, как важно уметь дать человеку шанс (и другой, и третий, если это потребуется), поверить в него и хотя бы попытаться полюбить. И тогда будет все как в жизни, даже если эта жизнь смелее и отчаяннее любых фантазий и художественных вымыслов.

«Яна, Оксана и Леша робко выглядывают из комнаты. Все трое побриты наголо. Оксана держит в руках Славу КПСС, наряженную в Лешо розовое платье с белыми облаками. Мама замирает.

– Кать. Просто... – говорит Марк.

Не раздеваясь, мама быстро уходит в свою комнату и закрывает дверь на замок.

Марк, Яна и Леша испуганно переглядываются. Оксана бросается к пакетам, которые принесла мама, и вынимает оттуда три упаковки мыльных пузырей.

– Пора мыть, кисуличка милая! – говорит Оксана. Она полизует себя и Славу КПСС мыльной жидкостью.

Слава КПСС жалобно визжит, приходящая оказывается залита мылом».

НЭТРИН ЧЕМБЕРС, «ЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ. БОГИ И ФАРАОНЫ, СОТВОРЕНИЕ МИРА И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ» («ФОЛИАНТ»)

Серия издательства «Фолиант» — идеальный нон-фикшен о мифологии разных народов для тех, кто только начинает знакомиться с этим материалом. Кратность изложения, интересные факты, отличные иллюстрации позволят погрузиться в тему, понять основные вехи и определить дальнейшие направления и темы для изучения. Автор отталкивается от мифологии, данной нам в зримых артефактах: письменности, скульптуре, знаках и символах. Затем рассказывает о папирусах, древних дворцах и пирамидах — их сакральной роли и связи с мифологическим сознанием. Наконец, переходит непосредственно к системе верований, обрядов и ритуалов: сотворению мира, пантеону богов, роли и функциям жрецов и праздниках в честь богов. Интересен акцент автора на зависимости мифологии от социального слоя: известно, что бытование мифов среди знати отличалось от их бытования у простолюдинов, а также интерес к иконографии и иконическим изображениям, которые объясняют представления египтян о связи окружающего их мира с царством мертвых.

«Важность “Текстов саркофагов” для народа невозможно переоценить: вместе с “Текстами пирамид” они сформировали содержание “Книги мертвых”, которая начиная с Нового царства (1550–1069 гг. до н. э.) действительно демократизировала доступ к загробной жизни для всех, за исключением самых бедных.

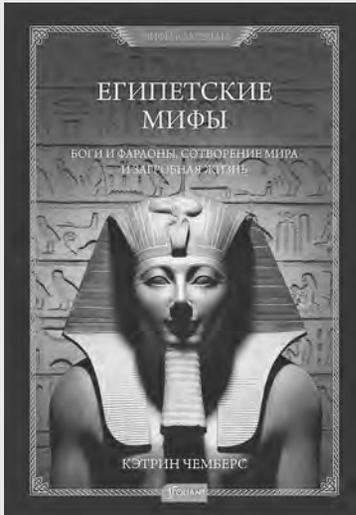
Известная также как “Изречения выхода в день” или “Изречения выхода к свету”, “Книга мертвых” стала популярным товаром благодаря огромной гильдии профессиональных писцов. Ее тексты переписывались в основном черными чернилами на папирусе. Не было двух совершенно одинаковых копий, содержание их было скорее индивидуальными предписаниями, ведущими душу умершего, когда агрессивный божественный лодочник переправлял ее по Озеру лотосов к полям Иалу».

МАРИЕТТА НАВАРРО, «УЛЬТРАМАРИНЫ» (POLYANDRIA NO AGE)

Пожалуй, главная визитная карточка издательства Polyandria No Age — это небольшие, довольно странные и необычные повести. Хорошие переводные романы издают не только они, а вот эти не то параболы, не то новеллы, не то повести — их безусловные находки. Таковые переведенные с французского Асей Петровой «Ультрамарины» — это история о мечте и собственном предназначении, о взаимоотношениях человеческой воли, огромной машины и неуправляемой стихии.

Главная героиня, капитан корабля, которой чужда суша, однажды идет против долга. Она нарушает должностную инструкцию и позволяет команде корабля искупаться в открытом океане. Но, к ее удивлению, вместо отправившихся плавать двадцати человек на корабль возвращается двадцать один. И выяснить, кто этот лишний и откуда он взялся посреди стихии, не так-то просто.

Мариетта Наварро работает в очень интересной манере, наиболее близкой, пожалуй, к жанру параболы. Герои ее подчеркнуто неиндивидуализированы, это роман скорее о сообществе моряков, чем о моряках как таковых, ей важнее профессиональные качества и установки, чем детализация черт их характеров. Она работает напрямую с эмоциями

и личностью читателя, «не отвлекаясь» на второстепенных персонажей. Даже образ главной героини дан весьма скупо, с акцентом на ее внутренний мир и чувства в каждый конкретный отрезок времени. В конце книги мы знаем о ней, по сути, немногим больше, чем в самом начале, но чувствуем ее при этом мы максимально.

«Пока все готовятся к ужину, она решает спуститься вниз, чтобы успокоить тех, кто не слышал ее речи в офицерской каюте, чтобы показать свое участие, чтобы узнать, как люди справляются с огнем и мазутом. Она облачается в голубое, как и все моряки, надевает защитные очки и направляется в котельную.

Она приветствует каждого, кто ей встречается, из-за шума, конечно, не может произнести длинную речь, надеется, что хватит улыбки, доказательной, так сказать, улыбки, спокойного незамутненного взгляда, в котором столько силы, столько способности принимать верные решения».

ТАТЬЯНА СТОЯНОВА, «КОНТУР ТЕЛА» (INSPIRIA)

Сборник стихов Татьяны Стояновой «Контур тела» вышел в новой поэтической серии издательства Inspiria вслед за «Шлюзами» Нсении Буржской.

Лирическая героиня Татьяны Стояновой демонстрирует не просто единение, но единство с природой, порой до полного неразличения. Ее собственные контуры тела переходят в контуры окружающего пространства:

*Тело мое красная земля
Белая глина и чернозем*

Или:

*Я научилась
Щебетать по-птичьи
Я замушала
В лиственной тиши*

«Я» и «мой» — самые частотные местоимения в лирике поэта, потому что главный фокус внимания здесь — на внутренний мир героини. Одна из постоянно возникающих тем — предвосхищение, ожидание будущей беременности. Женщина уподобляется матери-земле, микрокосму, в котором заключены другие миры. Метафора, сопровождающая эту тему в стихотворных строках, — это «безрыбье» как «бесплодие»:

*Эта рыба мне забралась в живот
В сети
Тук-тук. В доме том кто живет?
Дети.*

Стоянова сводит предельно обобщенную реальность с конкретными геометриями, в ее стихах сходятся начала и объединяются противоположности. В ее метафорической поэзии вдруг мелькает бытовая сцена, которая и послужила импульсом к созданию стихотворения. Нам демонстрируется прием обнажения поэта, выглядывающего из-за лирической героини:

*Помню только выступ на крыше
петербургского дома.
Я перегибаюсь за перила.
Смотрю на проходящих по улице Рубинштейна
редких ночных скитальцев.
Разжимаю пальцы,
и полный до краев бокал
с красным вином летит на асфальт.*

Еще один важный мотив для лирики Татьяны Стояновой — мотив вечного возрождения, воскрешения. И для героини, и для неразделимо связанного с ней мира:

*все равно воскресну
с каждой новой весной*

или

*Дождь начищает дорожки до блеска.
Свет разбавляя сияньем слюды,
Краски разводит он в капле воды –
Мир обновился, как старая фреска.*

ПИТЕР ГОДФРИ-СМИТ, «МЕТАЗОА» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН»)

Слово, вынесенное в название, означает все многообразие многоклеточных животных. При погружении вглубь океана аквалангист встречает формы жизни, максимально непохожие на животных — скорее на растения или грибы. И тем не менее они — наши ближайшие родственники. И изучая самые разные формы жизни, среди которых нораллы, губки, осьминоги и рыбы, можно проследить эволюцию животного мира и приблизиться

к разрешению проблемы сознания. Автор задается вопросом, как работает память на разных этапах эволюции: от научения и усвоения необходимой для выживания информации до сложных психологических механизмов — семантической памяти о фантах, процедурной, хранящей навыки, эпизодической, которая формирует воспоминания о пережитом, и оперативной, удерживающей идеи и образы, которыми человек оперирует в данный момент. Но отдельные виды «памяти» есть уже на этапе головоногих моллюсков. Например, у наранатиц и осьминогов мозг контролирует цвет ножи и узоры на ней:

«Последний общий предок человека и головоногих жил примерно 600 миллионов лет назад. Даже гипотезы, предполагающие, что он был устроен сложнее, чем принято считать... подразумевают, что головоногие собрали свой сложный мозг практически с нуля, причем уже после того, как какое-то время вели довольно скучную жизнь в теле улиток. Тот факт, что эти животные развили четко выраженное и схожее с нашим чередование двух режимов сна, не говоря уже о том, что они демонстрируют на своей коже процессы, происходящие в мозге в периоды парадоксального сна, особенно примечателен.

«Может, эти процессы у каракатиц выполняют те же функции, что и офлайн-процессы у человека?»

Может быть. Все зависит от подхода к определению разума, которые очень разнятся. Но самым очевидным кажется срединный подход, гласящий, что большинство живых существ поддерживает в себе жизнь бессознательно, а чувства впервые появляются у животных. А это уже путь к «разумной» человеческой душе.

МАРИНА МОСКВИНА, «ЗОЛОТОЙ ВОСКРЕСНИК» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

«А вот еще случай был» — так можно начать каждую из вошедших в книгу Марины Москвиной историй. «Золотой воскресник» — это именно книга случаев: лирических, милых, уморительно смешных. Сборник хорошего настроения и многих, очень многих известных людей.

Удивительно, как в двух-трех строчках можно создать мизансцену, обрисовать характеры, передать атмосферу. Это могли бы (и отчасти были) быть записки в социальных сетях, но парадокс в том, что обычно все эти чудесные посты, набирающие множество лайвов и комментариев, при перенесении на бумагу совершенно перестают работать, становятся фальшивыми елочными игрушками из советского анекдота, которые «не радуют». А у Москвиной магия не пропадает, а только усиливается от плотности, нучности, изобилия всех этих случаев на одной странице текста.

«Знаменитый дизайнер, лауреат Государственной премии Андрей Логвин подарил Лене авторскую майку с надписью на груди: “Все говно, а я художник”. Леня ходит в ней по дому.

— Чистенько и хорошо, — говорит он благодушно».

«На моей визитной карточке, — пожаловался Калашников, — зачем-то написали “ПОЭТ”, чем отсекали для меня всякую возможность ее кому бы то ни было вручить».

АХМЕТ АЛТАН, «МАДАМ ХАЯТ» (POLYANDRIA NO AGE)

Роман турецкого писателя и политического журналиста сложной судьбы (в анамнезе тюремное заключение и сжигаемые тиражи) о конфликте жизни и литературы в революционную эпоху. Семья студента Фазыла в одночасье теряет свой бизнес, за счет которого жила много лет. Отец не переносит удара, но мать готова на все, чтобы мальчик получил образование, и Фазыл продолжает изучать литературу. Чтобы хоть как-то подработать, он устраивается статистом на телевидение, и в его жизни появляется мадам Хаят. Эта женщина обладает не столько умом, сколько жизненной мудростью и символизирует жизнь — такую, наной ее принято желать: веселую, легкую, не бегущую от проблем, но пренебрегающую ими. Другая героиня, к которой расположен юноша, — студентка Сыла, которая олицетворяет как раз противоположное: книжное знание, любовь к литературе, компенсирующую личный опыт.

Государство давит и норовит раздавить совсем, человек — пешна, но пешна мыслящая: времена, в том числе те, в которые приходится взрослеть, не выбирают.

«Мадам Хаят страстно желала получить все, чего хотела: лампу, танцы под иеривые песенки, меня, персик, секс, вкусную еду... Но я также чувствовал, что она может отказаться от всего, чего так страстно желает, с равнодушием, равносильным ее страсти. Она вела себя так, словно имела право желать всего и могла отказаться от всего. Полагаю, естественная безграничность ее желаний проистекала из твердой веры в то, что она в любой момент имеет право от всего отказаться. Теряя уверенность в том, что она сможет отказаться, она также переставала желать».

ЭМИ БЕЙТС, «МАЛЬЧИК И МОРЕ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Книга о взрослении и человеческой жизни на фоне меняющегося моря и явный оммаж к повести Хемингуэя «Старик и море», который дети, конечно, не считают, но этого и не требуется. Потому что перед нами вполне самоценная история о взаимодействии мальчика и моря, взаимодействии настолько сильном и важном, что море влияет на внутреннее состояние мальчика и наоборот — само зависит от его настроения. Оно бывает спокойным и бурным, искрящимся и темным. Оно дает ответы на вопросы или молчит — но оно всегда рядом. И учит своего друга в разном его возрасте смотреть сны, любить и жить. Совет смотреть сны, данный ребенку, не случаен: еще в традиции йенских романтиков ребенок — существо, наиболее близкое к пересечению границы между миром реальным и миром иллюзорным, и какой из этих миров более важен, большой вопрос. В зрелости главный совет — любить. Найти человека, с которым ты не будешь одинок, с которым жизнь обретает смысл, с которым ты создашь семью. Наконец, в старости, когда жизнь, кажется, уже почти прошла, важно напомнить: живи. Пока ты жив, нужно жить. Смотреть на вечное море и слушать, что оно скажет.

СВЕТЛАНА ЛАВРОВА, «СЕМЬ ДНЕЙ ДО САКУРЫ» («НОМПАСГИД»)

Новая повесть неоднократного лауреата премий «Заветная мечта» и «Книгуру». В совершенно современном Екатеринбурге открыт портал в Японию эпохи Эдо; конечно, туристы едут сюда нескончаемым потоком: путешествия во времени и пространстве — это что-то по-настоящему необычное. За этой же экзотикой из Санкт-Петербурга приезжает и тринадцатилетняя Инка — в Екатеринбурге у нее двоюродная

сестра Нсюха, и неделя каникул, которую они проведут вместе, обещает быть веселой. Приключений в нее вместится и правда немало, девочки (а вместе с ними и читатели) узнают много японских слов и понятий и увидят жизнь в Японии трехсотлетней давности. Будут, конечно, и опасности (нуда без них в подростковой литературе), наное-то время героиням даже предстоит прятать в XXI веке юного самурая Анихиро. Светлане Лавровой удастся органично и легко свести динамичный приключенческий сюжет и социальную проблематику, так, что последняя не выглядит притянутой искусственно повестной.

«Мама хорошо натренировалась врать, она на работе своим пациентам говорила, что они выздоровеют и будут жить долго и счастливо. Мама в онкологическом диспансере работала. Она так убедительно врала, что многие верили и выздоравливали. И вправду жили долго и счастливо».

ЕВГЕНИЯ РУСИНОВА, ЕКАТЕРИНА ПУТИЛИНА, «ДОРОГАЯ ДЕВОЧКА» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Еще одна книга, написанная с интересом и любовью к Японии, — но для более младшего возраста. История о маленькой японской девочке и старой панде в зоопарке, которые в один и тот же день почувствовали себя несчастными и одиночными. Девочка Аими грустит, потому что ее лучшая подруга встала в пару с новенькой, а не с ней. А панда Лин-Лин устал от посетителей зоопарка и вспомнил свою родину, откуда его увезли семь лет назад в японский зоопарк. Но оказывается, что когда встречаются два одиноких грустных существа, они могут поддержать друг друга и подарить друг другу настоящий праздник. Хорошая и красивая история о дружбе, чувствах, семейных ценностях.

«И вдруг из облака к Аими выплывает горящий фонарик. Она удивленно оглядывается по сторонам. Все небо усеяно миллионами огоньков. Это бумажные небесные фонарики.

– Эй! – кричит снизу какой-то ребенок. – Смотрите, какие необычные фонарики! Панда и девочка! Мама, я тоже хочу такие! Сделай мне в следующем году такие же!

Аими и Лин-Лин смеются.

– Ты светишься, – говорит девочка.

– Ты тоже, – отвечает панда и мягко обнимает свою маленькую подружку».

РОМА ДЕНАБРЕВ, «ГНЕЗДО СИНИЦЫ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Очень выразительный литературный дебют — тонкая и филигранная стилистическая проза, вызывающая ассоциации с лучшими образцами европейского модернизма: Прустом, Музилом, Вульф. Сюжет этого романа отталкивается от детского воспоминания героя, которое и дало название всему произведению, именно там появляется то самое гнездо синицы. Денабрев — мастер эпизодов, ярких сцен, точных формулировок. Мир его романа иллюзорен, близок к традиции йенских романтиков, здесь все мнится и кажется, здесь реальность сновидений или загробной жизни так же осязаема, как наш чувственный мир. «Гнездо синицы» меньше всего подходит для того, чтобы быстро проглотить ее за вечер ради того, чтобы узнать, чем все закончилось, это книга для медленного и вдумчивого чтения, и если принять эти правила игры, удовольствие гарантировано.

«Память ловко подтасовывает карты, выставляя меня то в лучшем, то в худшем относительно действительности свете. Небольшой шрам на лбу девушки внушает доверие и глубокое уважение, и никто из нас, не желая показаться дураком, не переспрашивает, что означает ее фраза. Как обычно, мы киваем, будто это настолько очевидно, что единственное, чего не хватало этой мысли, – быть произнесенной вслух. Затем следует многозначительная тишина, во время которой одна непослушная русая прядь, выбившаяся из нерасчесанного каре, скользит по веснушкам носа; прядь смеется, девочка смеется и с размаху швыряет гнездо куда подальше. Она делает это снова и снова, и я, возвращаясь к этому моменту, ничего не понимаю и не могу вырваться за границы увиденного и совершенного. Я снова ползу по земле вдоль невысокого деревянного забора, вдоль живой изгороди, мимо всех кустов аронии на планете, долго-долго ползу, пока колени не стираются до состояния каких-то лоскутов, но я не могу остановиться, ведь я уже полз, а значит, другого мне не дано».

САФИЯ ФАТТАХОВА, «ОТЧУЖДЕНИЕ» («СТРОНИ»)

Еще один дебют — роман о современных мусульманках. Объединяющее начало здесь — живущая в Турции главная героиня Лиза и ее особый дар эмпатии, сочувствия и эмоционального соучастия: именно благодаря этому множество историй, из которых состоит книга, складываются в единый роман. Это судьбы женщин, которые неизбежно сталкиваются с трудностями, но благодаря собственным качествам, силе характера и религиозным убеждениям справляются с ними. Лиза — мать-одиночка, которая в Турции преподает по зуму исламские дисциплины и посещает психолога (тоже онлайн). Другая главная героиня — Насиба, живущая в маленьком российском городе, обнаруживает суперспособность, противоположную Лизиной: ее чувства и эмоции оказывают влияние на психологическое состояние других людей. «Отчуждение» — роман о религиозных догматах, которые пронизывают жизнь людей вплоть до самых бытовых мелочей, позволяющий нам понять, как устроена жизнь, отличная от нашей. Роман, еще слегка неровный, местами чуть-чуть неуверенный, но главное — живой и искренний.

«Дни падают в выделенные им лунки памяти. Иногда Лиза их ловит, как рыбок в заводной магнитной рыбалке, на аромат пустого флакона от духов или ретропост в соцсетях. Мода на психические расстройства уже почти уходит, точнее, их разнообразие стало новой нормой. Две ее подруги учатся на психотерапевтов, да и сама Лиза, запутавшись в суфийском самосовершенствовании, раз в месяц проглядывает курсы второго высшего при Московском институте психоанализа – сокращенно МИП.

У ее дочки Аси есть черненький обучаемый робот Wow Wee MIP, который они почти сразу стали называть просто МИПом. МИП легко забирается на циновки и не врезается в шкафы, но все равно иногда падает, огорченно восклицая, как американский подросток восьмидесятих: “О-оу”. Инструкция обещала, что он будет сохранять равновесие и возить легкие предметы на пластмассовом подносике, но он все роняет, плохо обучается и разве что танцует безупречно».